

Глава первая

Ожидание

Станция Бекетово больше напоминала брошенный дом у дороги, нежели настоящий железнодорожный вокзал. Впрочем, он уже пребывал в запустении многие годы, сюда давным-давно не ходили пассажирские поезда и не проносились мимо по рельсам грузовые составы. Несмотря на это, стальные стрелы все еще не покрылись ржавчиной, а блестели, словно наточенные рапиры.

Николай Волгогонов сидел у окна, наблюдая, как желтые осенние листья срываются с деревьев и, медленно кружась, укрывают собой стылую землю. Осень только-только началась, наступили первые заморозки, рисующие на листьях морозные кружева. Покосившаяся от времени оконная рама сохранила лишь часть стекол, остальные блестели острыми осколками или просто выпали из раскошейся от времени деревянной конструкции, поэтому в здание проникал холодный ветер, заставлявший немногочисленных людей кутаться в плащи и куртки. Николай поежился и плотнее запахнул полы своего пыльника. Он любил это время — время ожидания, когда еще не знаешь, кто станет твоим следующим клиентом, решившим по своей воле приехать в это гиблое место.

В зале на скамейках мерзли еще трое проводников; один вел себя тревожно, периодически вскакивал с места и прохаживался по залу, после чего снова возвращался на скамью и сидел, смотря на всех как сын. Николай невольно отвлекся от созерцания листопада за окном и пе-

ревел взгляд на него. Проводник кивнул, будто здороваясь, и отвернулся в другую сторону.

Неожиданно двери вокзала распахнулись, скрипя давно не смазанными петлями, и в зал вошел высокий мужчина, за его спиной виднелось старое одноствольное ружье. Он кивнул присутствующим и уверенным шагом направился к Николаю, протянул ему руку для приветствия, шумно присел рядом.

— Сегодня точно прибудут? — поинтересовался он.

— Третий день ждем. — Николай не любил пустых разговоров, но с этим человеком всегда позволял себе перекинуться парой слов. — Сам знаешь, как это бывает. Добраться до станции для них — уже подвиг; может быть, дальше они вовсе не пойдут.

— Я только вчера вернулся с Территории. — «Территорией» здесь называли всю местность, которая неожиданно оказалась самым загадочным географическим объектом на планете. — Опять один.

— Не кори себя за это. — Николай задумчиво посмотрел в ту даль, где исчезали блестящие рельсы. — Они ведь сами хотят здесь остаться, ты не можешь тащить их волоком.

— Это и странно. — Мужчина почесал клочковатую бороду широкой пятерней. — Люди, приходя сюда, не возвращаются назад, на Большую землю. За редким исключением. А все равно едут и едут, будто здесь медом намазано.

— А может, возвращаются? Откуда нам знать? — Николай своими вопросами поставил мужчину в тупик, тот недоуменно покачал головой и вынужденно согласился с собеседником.

— Все время хотел тебя спросить, — снова пристал мужчина, — как ты здесь очутился. Ты вроде как не местный?

— Нет, не местный, — согласился с ним Николай. — Я оказался здесь в составе первой научной экспедиции, приехавшей изучать Территорию. Вот и остался.

— А что случилось с экспедицией? — заинтересовался мужчина.

— Ничего, — пожал плечами Волкогонов. — Собрали материал, обследовали местность и уехали обратно в Москву.

— Не нашли ничего? — предположил собеседник.

— Тогда еще ничего не происходило, местность казалась вполне нормальной, а следов иной цивилизации мы так и не отыскивали.

— Зато сейчас ничего нормального в ней не осталось, — подытожил мужчина и невольно покосился на свое ружье.

— Те, кто приходит сюда, — припомнил Николай, — говорят, что таких мест стало еще больше.

— Я тоже слышал об этом, но скажу честно: не хочу даже глядеть на другие Территории, мне достаточно того, что я вижу здесь.

Волкогонов вдруг с такой тоской посмотрел на своего товарища, что тот невольно нахмурился: казалось, что взор Николая направлен куда-то мимо, и плевать, что вроде бы пялится глаза в глаза.

— Ты чего, Коль? — По его спине побежали мурашки.

Николай вообще среди проводников имел загадочную репутацию: его клиенты почти всегда возвращались с Территории. Никто не понимал, как он это делает, но лишь ему удавалось вывести клиентов обратно на станцию и далее — в нормальный мир; за остальными такого не водилось. Впрочем, стоит отметить, что, побывав хоть раз на Территории, люди уже никогда не повторяли своих «подвигов» и не появлялись на станции второй раз.

— Просто подумал, что уже пять лет количество проводников одно и то же. Стоит кому-то из нас не вернуться, как неожиданно появляется храбрец, занимающий его место.

— Не замечал. — Мужчина пересчитал всех людей в зале и отметил, что проводников сегодня ровно семь — как и в остальные дни. Правда, тех, кто обосновался здесь с самого начала, было всего трое: Николай Волкогонов, он сам — Сергей Шабаров — и еще один мужчина по кличке Рябой. Никто не знал, как его зовут, он всегда оставался нелюдимым и малообщительным, а среди неписаных правил проводников не значилось излишней любознательности и настырности: коли не хочет говорить свое имя — значит, так надо.

— Я слышал, что Рябой — ликвидатор аварии на АЭС, — выдал Сергей; ему не хотелось ожидать поезд в полном молчании, слушая заунывный гул ветра.

— Пустое, — отмахнулся Николай, — слухи...

Сергей хотел еще что-то сказать, однако Волкогонов уже отвернулся к окну и замолчал, и приставать с вопросами он больше не решился.

Здание старого вокзала представляло собой настоящий пример постройки советского образца; здесь на одной из стен до сих пор сохранился портрет вождя, взметнувшего правую руку вверх и обещавшего привести всю страну к благодатным временам. В углу ютилась касса, где уже давно никто не продавал билеты, поэтому она покрылась внушительным слоем пыли. В зале располагалось несколько деревянных скамеек для ожидающих свой поезд, часть из них пришла в некондиционное состояние, другие же вполне еще годились для использования. В большинстве окон полностью отсутствовали стекла, но это уже никого не смущало, вставлять новые все равно никто не собирался, никакие работники на железнодорожной станции уже много лет не появлялись.

От здания вокзала небольшая грунтовка вела к населенному пункту под названием Бекетово, некогда насчитывающему больше полусотни дворов, но после страшных событий это поселение опустело. Люди предпочли бросить свои дома и скрыться, не успев забрать большую часть имущества, включая домашних животных и личные вещи. Им было предписано в несколько часов собраться и покинуть территорию; для экстренной эвакуации военные использовали специальный состав, который перевез жителей Бекетова в безопасное место. Впрочем, несколько человек отказались покидать поселение, теперь именно они ожидали своих клиентов в здании вокзала.

— Мужики, закурить не будет? — Рябой встал со своего места и подошел к Шабарову. — Все курево извел, а последние клиенты, как назло, не употребляли.

— Пришлось бросить, — развел руками Сергей. — А народ с Большой земли все чаще некурящий да непьющий, будто заговоренные.

— Эх... — Рябой спрятал руки в карманы длинной куртки и выглянул в окно, куда неотрывно смотрел Волгогонов. — Скорей бы уж, надоело ждать до чертиков.

— Да что ты там не видел? — Сергей махнул головой себе за спину, имея в виду Территорию. — Не надоело еще топтать ее?

— А у тебя что, всегда все одинаково проходит?

От этого вопроса Волгогонов вздрогнул, понимая, насколько точно Рябой передал его внутренние ощущения при посещении Территории.

— Когда как, — уклончиво ответил Шабаров.

— Когда как, — передразнил его Рябой, почесав свою щербатую щеку, будто изъеденную оспой, благодаря чему и получил свое прозвище. — В последний раз думал — всё, больше не выйду. Сердце так зашло, что уже прикидывал: вот лягу под тот куст — и баста!

— Бывает, — протянул Шабаров.

Волкогонов не стал ничего говорить, лишь шумно вздохнул, вспоминая свой последний поход на Территорию, когда провел по маршруту троих клиентов. От начала до конца провел, все вышли обратно вместе с ним.

— Волк, поделись опытом, — вдруг пристал к нему Рябой. — Как твои бедолаги находят дорогу назад? Мы же все знаем, что их грехи отсюда не выпускают.

— А мне всё безгрешные попадают, — неловко поштил Николай, но никто даже не улыбнулся.

— Не бывает таких, — покачал головой Рябой, приняв слова Волкогонова за чистую монету, — не бывает...

Меж тем Шабаров вытащил из кармана мятую карту, на которой пытался отмечать маршруты своих групп.

— Опять ты дурака валяешь! — Рябой, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на скамейку рядом с Сергеем. — Толку от твоей карты, как и от компаса, никакого! Ты хоть раз вышел там, где хотел?

— Ой, отстань, — огрызнулся Сергей, пряча карту обратно в карман.

Заслышав эти слова, к ним снова повернулся нервный проводник. Он хотел было встать со скамейки и подойти к бывалым коллегам, но не решался.

— Нервный все суетится. — Рябой показал глазами на молодого. — У него вторая ходка будет. В первую вернулся один, а увел-то за собой пятерых.

— Себя вспомни, — посоветовал ему Николай. — Ты в свой первый раз одного клиента потерял — так ведь неделю потом убивался, полагая, что это только твоя вина.

— Тебе легко говорить, — ответил Рябой, — у тебя такое нечасто случается.

— Да не ссорьтесь, мужики, — примирительно заговорил Сергей. — Территория непредсказуема и опасна, мы ничего не сможем с этим поделать.

Все молча согласились. Каждый продолжал думать о своем. Рябой расправил газетный обрывок, высыпал на листок табачную труху из кармана, ловко скрутил в трубочку и подпалил «козью ножку», распространяя по зданию вокзала махорочный аромат. Часть проводников тотчас заводили носами: у них курево тоже давным-давно закончилось, а просить затяжку у Рябого никто не решался.

— И чего они сюда лезут? — выпуская дым из ноздрей, глубокомысленно изрек Рябой, имея в виду клиентов.

— Испытать себя хотят, — выдвинул версию Шабаров.

— Это только часть, — не согласился с ним Николай, — у остальных свои причины, иногда диаметрально разные.

— Ты про пресловутое «зеркало»?

Все мужчины тотчас уставились на Сергея, который неосмотрительно сказал это вслух.

— Лучше своим про него вовсе не говори, — посоветовал Рябой, топча окурок носком сапога, — довести не сможешь, а они точно все пропадут в его поисках.

— Да нет никакого «зеркала», — вспыхнул Шабаров, — это всё легенды Территории!

— Если сам не видел — не говори, что этого нет, — вдруг произнес Николай. — Слухи на пустом месте не появляются.

— Вообще не понимаю, откуда там, на Большой земле, прознали про «зеркало», не говорил же никто, — негодовал Сергей.

— Вот придет поезд, тогда и спросишь.

— Слушай, Волк! — Волгонов поехал, он не любил, когда его так называли, но Рябому подобное обращение прощал. — А почему ты не свалишь на Большую землю? Уж тебя-то тут точно ничего не держит.

— Она хочет, чтобы я больше не возвращался на Территорию, — мотнул Николай головой куда-то в сторону, за окно.

— Сама «Вятка»? — не удержался от уточняющего вопроса Рябой (иногда Территорию, согласно ее географическому расположению на карте, проводники в обиходе называли «Вяткой»).

— А что тебя удивляет? — Николай с вызовом посмотрел на Рябого; тот отвел глаза, не выдержав тяжелого взгляда.

— Если бы «Вятка» хотела, чтобы я ушел, я не стал бы сопротивляться, — спокойно ответил Рябой.

— Каждому свое, — не стал спорить с ним Волкогонов и снова уставился в окно, где начал моросить холодный осенний дождик. Первые капли упали и скатились по желтой листве, ударились тяжелыми бусинами о землю. Через несколько минут мелкий дождь превратился в унылый затяжной ливень, который наверняка не собирался прекращаться до самого вечера, уж проводники знали о погодных особенностях этого края.

— Не придет сегодня, — прокомментировал Сергей; он вытянул ноги, отложив ружье в сторону, и теперь разглядывал носки своих сапог, вымазанных в грязи.

— Ждем до сумерек, как обычно, — сквозь зубы процедил Рябой, пытаясь отыскать в кармане еще щепотку табака хотя бы на одну самокрутку.

Народ потянулся с вокзала к складу, где хранились съестные припасы. Каждый раз им отгружали консервы, макароны и другую снедь, когда на станцию приходил состав. Иногда состава не было по полгода, и запасы старались беречь, но, как правило, сигареты кончались самыми первыми, сколько ни закажи, а вот макарон всегда оставалось вдоволь. Такое негласное правило появилось довольно давно, когда в Бекетово после эвакуации приехала первая экспедиция по исследованию «Вятки»:

ученые и военные планировали прочесать Территорию вдоль и поперек, поэтому тщательно подготовились, выделив одно из строений под продовольственный склад, где, между прочим, можно было разжиться и хорошим оружием с патронами. После того как военные забили продуктами все помещение и сформировали группы, они отправились изучать Территорию. Собственно, больше их никто не видел. Сто пятьдесят человек просто растворились в окрестностях «Вятки», будто их никогда не существовало. Волгогонов еще помнил колонны солдат, расходившиеся в разные стороны в полной убежденности, что тем же составом вернутся в Бекетово через неделю, однако прошло уже несколько лет, а никто из них так и не объявился. Да и останков на многочисленных маршрутах замечено не было.

Рябой оторвался от скамьи и последовал примеру других проводников, которые уже возвращались в зал, неся в руках консервные банки с тушенкой. Люди открывали их ножами и ими же выскребали содержимое, нимало не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Пустые консервные банки они не разбрасывали повсюду, а складывали в урну в углу зала. Конечно, они запросто могли выкинуть банку в окно или просто оставить ее на замусоренном полу, но так они чтить память Жоры Васина, всегда ругавшего проводников, если те гадили там, где живут. Жора Васин, взяв с собой в ходку троих клиентов, исчез год назад, но в память о нем проводники по-прежнему складывали отходы в урну, а когда та заполнялась, кто-нибудь опорожнял ее в помойную яму, вырытую метрах в пятидесяти от здания вокзала. Впрочем, некоторые считали, что достаточно просто намусорить на станции, дабы Жора вернулся и обложил всех трехэтажным матом. Правда, никто проверять эту теорию не спешил.

Рябой вернулся, неся в руках три банки со свиной тушенкой, две протянул Волкогонову и Шабарову, хотя никто из них не просил его об этом. Они молча забрали из его рук консервы и принялись орудовать ножами, разрезая алюминиевую плоть банки.

— Странное дело, — поделился Сергей, — вроде жрем эти консервы который год, а кажется, будто ничего вкуснее отродясь не пробовал.

— Это потому что ты на природе ешь, на свежем воздухе, — усмехнулся Рябой. Он, в отличие от своих собратьев по профессии, орудовал ложкой, которую всегда носил за голенищем по старой армейской привычке.

— Серег, вот скажи мне правду, — снова начал приставать Рябой к Шабарову, — на кой черт ты таскаешься с ружьем? Толку от этой палки на «Вятке» все равно никакого нет, а веса в ней несколько кило!

— Вот ты темный парень, — усмехнулся в усы Сергей. — А вдруг медведь?

— Да какие на территории медведи? — непонимающе воззрился Рябой на Шабарова. — Отродясь их тут не было.

— Коли сам не встречал — так и не суди, — ответил Серега любимой поговоркой проводников «Вятки».

— Бери пример с Коли, он у нас вообще даже нож с собой не берет, — кивнул Рябой на Волкогонова, который старательно выскребал тушенку со дна банки. — Хотя, может, оно и верно, клиенты тоже разные бывают. Вот, помню, один товарищ кинулся на меня с ножом. Не знаю, чего уж там ему привиделось, но испугал он меня не на шутку. Пришлось положить его с правой на сырую землю. А как оклемался — глазами хлопает, ничего не понимает, будто наваждение какое было. Так что всякое случается. Нож его я там же в ствол дерева воткнул, в дар «Вятке» оставил. А один деятьель с собой винтовку по-

тащил, так сам ее в итоге и бросил: толку ноль, а силы пьет за двоих.

— Я с оружием клиентов не беру, — вдруг заговорил Николай, — правило такое.

— А если заартачатся или испуг возьмет? — поинтересовался Рябой.

— Все равно, — покачал головой Волкогонов. — Сами поранятся и других поранят, бывало уже, теперь не рискую.

— Не знаю, как вы без оружия на «Вятку» лезете. Стремно же! — негодовал Сергей, метким броском посылая консервную банку прямо в урну.

— В кого там стрелять-то? — сморщился Рябой, отчего его лицо стало еще безобразнее.

— Мне так спокойнее, — решил закончить разговор об оружии Шабаров. — А вы как знаете.

Снаружи стало темнеть, но народ не спешил расходиться, поглядывая на старожилов, всегда уходивших первыми, будто чувствовавших, что сегодня состав точно не придет. Нервный перестал ерзать на месте и мерить зал шагами, а потом как-то сник, будто отчаялся увидеть нынче заветный поезд.

— Эх, собаку бы завести, — размышлялся вдруг Сергей. — А то в избушке по ночам такая тишина, как на кладбище. Даже хуже: ни пичуги, ни сверчка.

— Животные здесь не приживаются, — припомнил Рябой. — Однажды приезжал один мужичок с собакой охотничьей, а тут непогода, грязь непролазная, пришлось день переждать. Заночевали у меня на квартире, собаку привязали на дворе на ночь, а утром она издохла. Мужик тогда наотрез отказался на Территорию идти, состав дождался и ходу, все по-своему песелю горевал. Зачем, спрашивается, надо было животину сюда тащить, чтобы она тут сгинула?

— Может, тогда кошку? — не унимался Сергей.